РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ

2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ТРУДЫ
ПО
РОССИЕВЕДЕНИЮ

Выпуск 3

Москва 2011

ББК 63.3(2)
Т 78

Центр россиеведения

Редакционная коллегия:

И.И. Глебова – д-р полит. наук, главный редактор, *А. Берелович* – проф. (Франция), *В.П. Булдаков* – д-р ист. наук, *Ю.И. Игрицкий* – канд. ист. наук, *В.Н. Листовская* – отв. секр., *Е.И. Пивовар* – чл.-корр. РАН, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, *Д. Свак* – проф. (Венгрия)

Ответственные за выпуск – *М.А. Арманд, С.В. Мельник*

Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; Гл. ред. И.И. Глебова. – М., 2011. – Вып. 3. – 490 с.
ISBN 978-5-248-00640-3

Основная тема выпуска – социальная свобода и реформаторство в России. Российские и зарубежные исследователи пытаются понять, какое место эта проблема занимает в отечественной истории, как она решается современным обществом. С этим связаны и малоизвестные работы мыслителей прошлого, опубликованные в «Трудах». В издание также вошли материалы семинара, проведенного Центром россиеведения ИНИОН РАН в 2010 г.

Для специалистов-обществоведов и гуманитариев, аспирантов и студентов.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-248-00640-3

© ИНИОН РАН, 2011

Содержание

От редактора 6

Россия в зеркале русской поэзии 11

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Ю.С. Пивоваров
Русское настоящее и советское прошлое. (Размышления с позиций «civic culture») 25

В.П. Булдаков
Россия и/или свобода 79

Ю.Н. Афанасьев
Возможности и реальности примирения России и Европы 103

СВОБОДА И РЕФОРМЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

А.Б. Каменский
К вопросу об эволюции смысла концептов «свобода» и «вольность» в русском политическом дискурсе XVIII в. 115

В.В. Лапкин
Метаморфозы российской свободы в контексте политических трансформаций XIX–XXI веков 132

С.В. Беспалов
Наследие освободительной реформы Александра II и выбор стратегии аграрных преобразований в российских политических дебатах конца XIX – начала XX в. 164

В. Дённингхаус
«Что русскому хорошо, то немцу – смерть?»: Земельные отношения и аграрная реформа в немецких колониях Поволжья (1900–1914) 181

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

И.И. Глебова
Отечественная война в русской культуре 199

М.М. Минц
СССР и начало Второй мировой войны: Дискуссии о событиях 1939–1941 годов в современной исторической науке 286

Д. Стратиевский
Образ советского военнопленного в исторической памяти немецкого общества и в историографии ФРГ: Общественный и политический аспекты 312

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

За пределами тоталитаризма: Сравнивая сталинизм и нацизм. (Реферат) 323

Россия в эпоху позднего сталинизма: Общество между реконструкцией и изобретением. (Реферат) 339

СЕМИНАРЫ ЦЕНТРА РОССИЕВЕДЕНИЯ

В.И. Ленин и ленинское наследие: Основные параметры дискуссии 347

Ю.И. Игрицкий. Ленин как воспоминание 371

Современники о Ленине. (Предисловие Ю.С. Пивоварова) 377

НАСЛЕДИЕ – НАСЛЕДНИКАМ

Предисловие Ю.С. Пивоварова 397

Б.Н. Чичерин
Конституционный вопрос в России. (Предисловие Ю.С. Пивоварова) 398

А.С. Алексеев
Начала современного правового государства и русский административный строй накануне 6 августа 1905 г. (Предисловие И.Л. Беленького) 417

Е.В. Спекторский
Что такое конституция? (Предисловие И.Л. Беленького) 431

РЕЦЕНЗИИ

Свак Д. Русская парадигма: Русофобские заметки русофила (Д.В. Ефременко) 447

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

М. Горбачев
Неюбилейные вопросы перед 80-летием 457

Е. Примаков
Россия на перепутье 464

И. Яковенко
Сталин – культурная проблема 469

Г. Янс
Нюрнберг–2 шагает по Европе 476

Л. Млечин
Победители и побежденные 480

Б. Орлов
«Стояние на Болотной» в историческом контексте 484

Сведения об авторах 488

Труды по россиеведению
Выпуск 3

Художник обложки И.А. Михеев

Компьютерный набор Л.К. Исаева

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.
Подписано к печати 20/XII – 2011 г.
Формат 60×84/16 Бум.офсетная № 1
Печать офсетная Цена свободная
Усл.печ.л. 28,5 Уч.-изд.л. 29,5
Тираж 950 экз. Заказ № 132

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
Тел. /Факс 8(499) 120–4514
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

А.Б. КАМЕНСКИЙ

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛА КОНЦЕПТОВ «СВОБОДА» И «ВОЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XVIII в.

В мифологии русского национального характера понятия «свобода» и «вольность/воля» занимают едва ли не столь же почетное место, как «соборность», «духовность», «щедрость» и некоторые иные абстрактные понятия, в отличие от «свободы», не имеющие, впрочем, юридического основания. Свободолюбие, как считается, искони присуще русскому человеку, чему, как опять же принято считать, не могли не способствовать бескрайние просторы среды его обитания (см.: 10; 13; 15). Подобные образы национальной мифологии находятся в резком противоречии с историческими реалиями или по крайней мере с представлениями о них в исторической науке. Большинство ученых сходятся во мнении, что несвобода была присуща русскому обществу на всех этапах истории России гораздо в большей степени, чем свобода, хотя, например, точного, разделяемого всеми определения характера Московского государства XV–XVII вв. в историографии не существует, а о сути политической власти в имперский период ведутся ожесточенные споры. И дело не только в том, что до 1861 г. основная масса населения находилась в крепостной зависимости, но и в том, что, как принято считать, несвободны были и все остальные слои русского социума, гражданского общества в дореволюционной России так и не сложилось, а гражданские права были впервые гарантированы лишь Манифестом 17 октября 1905 г.

Современная историография о соотношении понятий «воля/вольность» и «свобода»

Впрочем, в России последних лет наблюдается тенденция представить отечественную историю как «нормальную» на том основании, например, что ужасы опричнины Ивана Грозного не идут ни в какое сравнение с кошмарами испанской инквизиции, а крепостное право было

отменено на два года раньше, чем рабство в США[1]. В то же время и в западной историографии России, в первую очередь опять же в США, появилась своего рода ревизионистская концепция, поставившая под сомнение всемогущество русского государства на разных этапах его существования и, в частности, его способность контролировать все сферы жизни своих подданных[2]. И если аргументы первой группы находятся преимущественно за рамками научного дискурса, то основанные на эмпирическом материале исследования западных коллег, предлагающие альтернативную доминирующей в западной историографии точку зрения, игнорировать, конечно же, невозможно. Эти исследования показывают, что, с одной стороны, в условиях ограниченности ресурсов государства существовали неконтролируемые им и весьма значимые пространства личной свободы, а с другой – в силу той же ограниченности государство старалось поддерживать своего рода консенсус между отдельными группами населения, которые были далеко не так бесправны, как принято считать. Причем, правами обладали все слои населения – от высших до низших – и это делало их частью единого целого.

Подобные попытки пересмотра и переосмысления привычных историографических штампов находятся в русле характерного для современной исторической науки стремления понять прошлое через его же, прошлого, реалии и категории, всячески избегая модернизации смысла используемых понятий. Применительно к теме данной статьи очевидно, что если в современном нам обществе степень личной свободы определяется фиксацией гражданских прав в законах, имеющих, как правило, достаточно четкие дефиниции, а также тем, как они исполняются, то в отдаленном прошлом действовали другие механизмы, создававшие иную социальную реальность. Собственно, Россия, в частности в раннее Новое время, была не хуже и не лучше своих западноевропейских современников. Она была попросту *иной*, а потому к ней неприменим привычный понятийно-категориальный аппарат, используемый для характеристики государства и общества того же времени в Англии или во Франции. Это один из основных тезисов упомянутой выше ревизионистской концепции современной западной историографии[3].

[1] Примечательно, что подобные рассуждения можно обнаружить у таких разных авторов, как С. Кара-Мурза (см.: 8) и В. Аксючиц (см.: 1).

[2] Наиболее характерный пример – исследование Н. Коллмана (см.: 20). Противоположная, традиционная линия новейшей западной историографии представлена работами М. По (см.: 21).

[3] Убедительность, перспективность и научная обоснованность подобного подхода не вызывает сомнений. Однако он, на мой взгляд, порождает и ряд методологических проблем, в частности, ставя под вопрос возможность компаративных исследований и в принципе каких-либо оценочных суждений.

Попытка преодоления противоречия между двумя полюсами западной историографии представлена в статье В. Кивелсон с характерным названием «"Гражданство": Права без свободы» (19). Используя принятую дефиницию понятия *гражданство*, автор доказывает, что подданные московских царей в XVI–XVII вв. обладали практически всем набором прав и возможностей, описываемых этим понятием, но при этом у них не было свободы. Кивелсон полагает, что в Московской Руси «во многих (хотя и не во всех) контекстах слово свобода имело сильную негативную коннотацию» и, будучи «важным элементом московского политического дискурса», ассоциировалось с беспорядком, нарушением покоя, разрушительной силой, а также, что очень важно, с индивидуализмом, в то время как московское общество было основано на коллективизме. «Московиты, – пишет Кивелсон, – просили о коллективной защите, а не о личных правах, и стремились быть зависимыми от царя – его холопами или сиротами – в большей степени, чем свободными гражданами. <…> Они жили в рамках культуры, в которой свобода была скорее отрицательной ценностью» (19, с. 484, 487, 488).

Предлагаемый В. Кивелсон путь примирения двух полярных точек зрения, несомненно, заслуживает внимания, однако показательно, что, постулируя отношение русских людей к свободе, она не подкрепляет свои утверждения ссылками на эмпирический материал. Между тем понятия свобода/несвобода – это тоже понятия исторические, их смысловое наполнение менялось с течением времени, причем не только у русских, но и у англичан, с которыми Кивелсон их сравнивает. Одно из направлений изучения этой проблематики, очевидно, находится в плоскости истории понятий. Особость ситуации придает то обстоятельство, что помимо слова *свобода* и всех от него производных в русском языке имеются слова *воля* и *вольность*.

Рассуждения об их соотношении в изобилии встречаются в сочинениях представителей русской общественной мысли, причем *воля/вольность*, как правило, трактуется как нечто исконно русское, а *свобода* – как понятие скорее чужеродное, в большей степени юридическое, связанное с правами человека и, соответственно, имеющее западное происхождение. В действительности же слова свобода и воля имеют древнерусское происхождение. При этом, если слова, однозвучные русской *свободе*, мы находим преимущественно в славянских языках и языках балтийской группы, то аналоги *воли* обнаруживаются и в языках западноевропейских народов (16, т. 1, с. 347–348; т. 3, с. 582–583). А.М. Песков отмечает, что «исходное слово – *воля* – кроме синонимичности слову *свобода* имеет и другие значения: *желание*, *власть*, *способность или возможность осуществить свои желания*, *демонстрировать свою власть*. Подобное значение имеют в других европейских языках слова, этимологически родственные русской

воле: volo, volui (лат.) – желать, хотеть; volonté (франц.) – воля, желание; will (англ.), Wille (нем.) – воля» (14).

Однако одновременно слово *воля* парадоксальным образом воспринимается как нечто символизирующее русский национальный дух и потому непереводимое ни на один другой язык, в то время как свобода «переводится на все языки и всеми народами понимается». Автору этого утверждения филологу А.Г. Лисицыну принадлежит диссертационное исследование «Анализ концепта свобода-воля-вольность в русском языке». По его мнению, все дело в «ограниченности свободы законом и внезаконности воли» (9). Развивая эту мысль, можно прийти к выводу, что русский национальный дух характеризуется неприятием законности. Ничего неожиданного в этом нет, если не считать того, что упомянутые выше работы западных коллег, настаивающих на наличии у московитов гражданских прав, основываются на наблюдениях за функционированием права и работой судебной системы.

По мнению Лисицына, «расхождение слов свобода и воля с точки зрения социальных сфер употребления» начинается после установления крепостного права. С этого времени слово *воля* обозначает утраченное и потому желанное народное право. Слово широко употребляется в речи простого народа. Понятие же личной свободы актуально лишь «для власть имущих». При этом «слово свобода… не сразу становится основным именем концепта в дворянской культуре. В XVIII веке наблюдается конкуренция имен свобода и вольность. Концепт свобода приобретает общественно-политический смысл. Происходит это в процессе общего оформления общественно-политической лексики в XVIII веке и связано с развитием идей Просвещения в России» (9)[1].

«Воля» и «освобождение» в Соборном уложении 1649 г.

Если следовать этой логике и исходить из того, что институт крепостного права сложился к концу XVI в., то «внезаконность» воли, как кажется, должна была бы привести к исчезновению этого слова из юридического языка. Однако обращение к Соборному уложению 1649 г. показывает, что это не так. Слово *воля* встречается здесь в главе XX «Суд о холопех». Так, ст. 15 гласит:

«А будет кого судом Божиим не станет скорою смертию, а после его останутся кабалные люди, а жена и дети, или братия того умершаго тех кабалных людей от себя отпустити не похотят, и отпускных им не дадут, и те люди о том учнут на них бити челом государю, и по тому их челобитью, сыскав про то допряма, что они у боярина своего служили по кабалному, а не по старинному холопъству, и их того умершаго боярина от жены и от детей и от братии ***свободить,*** *и* ***дати им волю.*** *И кому они* ***учнут с воли*** *бити челом в холопъство, и тем людем на них дати кабалы, по сыску, и без отпускных»* (здесь и далее выделено мной. – *А.К.)* (12, с. 210–211).

Аналогичные сочетания производных от слов свобода и воля находим в ст. 47 («А кто на холопа возьмет кабалу отец с сыном, или брат з братом или дядя с племянником вместе, и учнут на тех людех по тем кабалам холопства искати, и тем исцом по таким кабалам отказывати, и таких людей, на кого они такия кабалы в суде положат, от них **свободити на волю…**») и 64 («Да будет на тех спорных людей в кабалных записных книгах кабалы в записке объявятся, а иманы на них те кабалы имянем того, кто их в духовной напишет жене и детем, и тех холопей того умершаго от жены и от детей **свободити, и дать им волю**») (12, с. 216, 218).

В приведенных примерах *воля* – это состояние отсутствия юридически оформленной зависимости. Обретение воли осуществляется через *освобождение*. Однако не всякая юридическая зависимость влечет за собой неволю. Так, в ст. 33 главы XIX «О посадских людех» говорится:

«А которые московские и городовые тяглые люди жили на тягле сами, или тяглых отцов дети, а были в полону в разных местех, и тем жити, где кто похочет, для того, что они от тягла ***свободилися полоном»*** (12, с. 206–207).

В данном случае речь не о личной, полной зависимости, или, выражаясь юридическим языком, отсутствии правосубъектности, которое предполагало состояние холопства, но лишь об определенном виде обусловленной социальным статусом повинности, несение которой не означает неволи. Одновременно важно заметить, что производные от слова *свобода* употреблены здесь именно в связи с актами юридической зависимости, т.е. в сугубо правовом контексте.

Однако в той же главе XX Соборного уложения встречается и пример иного рода (ст. 100):

«А которые купленые люди татаровя новокрещеные останутся после кого умершаго, а духовных после умерших не останется, или духовныя и останутся, да тех новокрещенов в тех духовных никому в надел будет не написано, а как они куплены, и в купчих про них того будет не написано же, что их тот, после кого они останутся, купил себе и жене своей и детем, а жены или дети тех умерших на ***волю*** *их не отпустят для того, что они их купленые люди, а те купленые люди учнут бити челом государю о них* ***о свободе*** *потому, что они им в духовных и в купчих не написаны, и тем купленным людем по смерти тех людей, кто их купит, быти у жон их и у детей…»* (12, с. 226).

[1] Примерно об этом же со ссылкой на работу А.Д. Шмелева (17) пишет и А.М. Песков (см.: 14).

Этот пример интересен тем, что, на первый взгляд, существительное *свобода* употреблено здесь как синоним *воли*. В действительности же это не существительное, но редуцированная глагольная форма, и соответствующий текст может быть прочитан, как *бити челом государю о них* ***об освобождении***.

Примечательно, что в приведенных примерах понятия воли/неволи употреблены исключительно применительно к холопам, т.е. к той категории населения, чье положение, согласно утверждениям западных историков – сторонников представлений о несвободе как характерной черте всей русской истории, было аналогом рабства (см.: 18).

Категории свободы и вольности в законодательстве Петра I и его наследников

Полсотни лет спустя в одном из ранних указов Петра I мы вновь встречаемся с подобным словосочетанием, но уже в ином контексте:

«По указу Великого Государя велено свободных людей и крестьян, которые будут от помещиков и вотчинников своих ***свобождены на волю****, и которым доведется отпускныя дать из приказу Холопья суда, отсылать в Преображенское, и которые из них годятся в солдаты, и тех имать в солдаты»*[1].

В данном случае речь идет уже не о холопах, а о крестьянах. Это заставляет предположить, что спустя полвека крепостное состояние также стало восприниматься как полная личная зависимость, предполагающая потерю правосубъектности, и связываться с понятиями *воли* и отсутствия таковой. При этом стоит заметить: согласно тому же указу, холопы фактически имели право записываться в солдаты без разрешения их хозяев, в то время как крепостных крестьян было велено возвращать помещикам, которые взамен должны были поставлять в армию даточных людей из дворовых.

С точки зрения интересующей нас темы примечателен также петровский Манифест о вызове иностранцев в Россию 1702 г., особенность которого в том, что он был адресован именно иностранцам. В тексте этого документа неоднократно встречаются слово *свобода*, производные от него и слово *вольность*:

«И понеже здесь в столице нашей уже введено ***свободное*** *отправление богослужения всех других, хотя с нашею церковию несогласных христианских сект, того ради и оное сим вновь подтверждается…*

И буде при наших армиях отдельные офицеры или же целые корпуса, состоящие из полков и рот обретаются, при коих находятся проповедники, то и они имеют без сомнения пользоваться всеми теми выгодами, преимуществами и ***вольностями****, каковыя мы даровали таковым церквам здесь в столице, в Архангельске и в иных местах…*

А дабы все те, которые в нашу службу вступят, уверены были, что они не будут лишены ***свободы*** *оставлять нашу службу, того ради мы их сим обнадеживаем…»* (7, с. 535–537).

[1] Указ о наборе в солдаты вольноопределяющихся 23 декабря 1700 г. // ПСЗРИ [Полное собрание законов Российской Империи]. – СПб., 1830. – Т. 4. – № 1820. – С. 93.

Особенно примечательны два последних примера. В обоих случаях речь по существу идет о правах – неправославных проповедников и военнослужащих-иностранцев – и при этом слова *вольности* и *свобода* употреблены фактически как синонимы. Применительно к *вольности* подобное словоупотребление прямо противоречит отмеченному А.Г. Лисицыным одному из значений этого слова как «недозволенности, преступающей определенные нормы», в чем, по его мнению, и выражена «внезаконность» воли (9). Слово *свобода* как обозначение права можно обнаружить и в других законодательных актах петровского времени.

Так, к примеру, в Указе «Об отмене рядных и сговорных записей» 1702 г. читаем:

«А буде кто дочь или сестру, или какую свойственницу, или девица, или сама вдова сговорит замуж за кого, и прежде венчания обручению быть за шесть недель, и буде обручатся, а после сговору и обрученья женних невесты взять не похочет или невеста за жениха замуж идти не похочет же, и в том быть ***свободе,*** *по правильному Святых Отец разсуждению…»* (7, с. 718).

В Воинском артикуле 1716 г.:

«…Таковому обиженному ***свободно*** *есть о понесенном своем безчестии и несправедливости Его Величеству, или в ином пристойном месте учтиво жалобу свою принесть, и тамо о сатисфакции и удовольствовании искать и ожидать оныя» (артикул 24).*

«Хотя он, сверх своей очереди, иногда с досады от своего офицера на работу командирован, однако ж не надлежит от оной укрываться и отбыть, но надобно оное исправить. А по окончании той работы ***свободно*** *есть ему о неправом командировании жалобу принесть, что и во всех других командированиях смотреть надобно» (артикул 52)* (11, с. 84, 90).

В Генеральном регламенте 1720 г.:

«Такоже каждому члену ***свобода*** *даетца, ежели голос его принят не будет, а он ко интересу Его Царского Величества благоосновательным, и полезным быть разсудит чрез нотариуса в протокол велит записать…»* (11, с. 172).

Вместе с тем социальная политика Петра объективно, как известно, была направлена на усиление несвободы всех слоев населения. Так, характеризуя указ 1721 г., разрешавший мануфактуристам покупать крестьян

для работы на фабриках и заводах, Е.В. Анисимов отмечает, что «были резко сужены возможности найма на предприятия свободных людей: состояние вольного, не связанного тяглом, службой или крепостью человека было признано криминальным» (2, с. 294). Окончательный удар по этой категории населения, по его мнению, был нанесен уже аннинским Указом от 7 января 1736 г., закрепившим за владельцами всех работавших в данный момент на предприятиях рабочих. Согласно Указу, принимать на работу разрешалось только «вольных с пашпортами»[1]. Анисимов также обращает внимание на Указ Анны Иоанновны о судьбе кн. А.А. Черкасского, в котором предписывалось: «Из Сибири его свободить, а жить ему в деревнях своих *свободно без выезда*». «Вот так, – иронизирует историк, – которое уже столетие, и живем мы – "вольными с паспортами" и "свободными без выезда"» (2, с. 295).

Действительно, образный язык аннинских указов как нельзя лучше описывает ситуацию многовековой несвободы русского человека, но несвободы в современном ее понимании. С точки зрения законодателя первой половины XVIII в., наличие паспорта, очевидно, эту свободу не только не ограничивало, но, напротив, давало право найма на работу, и, значит, состояние вольности по-прежнему ассоциировалось с правами.

Для того чтобы выяснить, изменилось ли значение категорий *свободы* и *вольности* в эпоху Просвещения, стоит обратиться к текстам, вышедшим из-под пера Екатерины II, и в первую очередь к ее Наказу Уложенной комиссии – своего рода политическому кредо императрицы. Однако прежде необходимо упомянуть о законодательном акте ее предшественника, императора Петра III, в котором оба интересующие нас слова фигурируют в единой связке. Речь идет о знаменитом Манифесте «О вольности дворянства» 18 февраля 1762 г. В тексте его говорится:

«...Жалуем всему Российскому благородному Дворянству ***вольность и свободу****, кои могут службу продолжать в Нашей Империи, так и в прочих Европейских союзных Нам Державах...»*[2].

Сама эта формулировка указывает на то, что, с точки зрения законодателя, до появления данного Манифеста дворянство вольностью не обладало, и, следовательно, составитель этого документа, кто бы он ни был, еще не рассматривал ее в духе концепции Просвещения как естественное право человека. А раз это право не естественное, не данное от рождения, то, значит, оно может быть пожаловано монархом. Но для чего потребовалось ставить в один ряд слова *вольность* и *свобода*? В качестве гипотезы можно предположить, что мы имеем дело с не слишком удачным грамма-

[1] ПСЗРИ (Первое собрание). – СПб., 1830. – Т. 9. – № 6858. – С. 709.

[2] Там же. – Т. 15. – № 11 444. – С. 913.

тическим оборотом и читать процитированные слова надо следующим образом: вольность и свободу (т.е. право) службу продолжать.

Екатерининский Наказ о свободе и о вольности/неволе

На страницах Наказа Екатерины II и слово *свобода*, и слово *вольность* встречаются неоднократно, однако с разной частотой. Если слова с морфемой *свобод* употреблены 15 раз, то вольность – 35 раз. Это свидетельствует, с одной стороны, о том, какое в принципе значение имел данный концепт для политической доктрины Екатерины, основанной на идеях Просвещения, а с другой – о том, что явное предпочтение по-прежнему отдавалось слову *вольность*. При этом надо иметь в виду, что Наказ первоначально был написан по-французски и затем переведен на русский язык Г.В. Козицким, С.М. Козьминым и Н.Н. Мотонисом, хотя не вызывает сомнений, что Екатерина этот перевод прочитала и согласилась с принятым в нем словоупотреблением. Одновременно с этим от Наказа, который, в сущности, был первым русским текстом правового характера и в котором предлагалась трактовка политической свободы, трудно ожидать полной терминологической ясности.

В Наказе слова с морфемой *свобод* употребляются в нескольких смыслах. Во-первых, это лишение личной свободы посредством заключения под стражу и тюремного заключения:

«Но ежели законодательная власть мнит себя быти в опасности по некоему тайному заговору противу Государства или Государя, <...> то она может <...> дозволити власти, по законам исполняющей, под стражу брать подозрительных граждан, которые не для иного чего теряют свою ***свободу*** *на время, как только чтоб сохранить оную невредиму навсегда»* (ст. 136).

«...Людей, кои порук по себе сыскать не могут, законы во всех землях лишают ***свободы****, покамест общая или частная безопасность того требует»* (ст. 137).

«Тот погрешит против безопасности личной каждого гражданина, кто правительству, долженствующему исполнять по законам и имеющему власть сажать в тюрьму гражданина, дозволит отымать у одного ***свободу*** *под видом каким маловажным, а другого оставляти* ***свободным****, несмотря на знаки преступления самые ясные»* (ст. 160).

«Быть под стражею не должно признавать за наказание, но за средство хранить опасно особу обвиняемого, которое хранение обнадеживает его вместе и о ***свободе****, когда он невиновен»* (ст. 172).

«Смерть злодея слабее может воздержать беззакония, нежели долговременный и непрерывно пребывающий пример человека, лишенного

своей ***свободы*** *для того, чтобы наградить работою своею, чрез всю его жизнь продолжающеюся, вред, им сделанный обществу»* (ст. 212)[1].

Другое встречающееся значение – это уже знакомое нам по более ранним законодательным актам освобождение от личной зависимости, предполагающей потерю правосубъектности. В этом смысле слова с морфемой *свобод* употреблены дважды и прежде всего в знаменитой ст. 260 главы XI, где речь идет о рабстве, но, как было понятно всем современникам Екатерины, в действительности – о крепостном праве:

«Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа ***освобожденных****».*

Стоит обратить внимание на то, что освобождение в этой главе прямо противопоставляется неволе:

«...Когда закон естественный повелевает Нам по силе Нашей о благополучии всех людей пещися, то обязаны Мы состояние и сих подвластных облегчать, сколько здравое рассуждение дозволяет.

Следовательно, и избегать случаев, чтоб не приводить людей в ***неволю****...»* (ст. 252, 253).

Как известно, именно глава XI Наказа стала объектом жесткой критики первых читателей Наказа и подверглась серьезной правке. Сохранившийся первоначальный текст этой главы, написанный рукой Козицкого и с правкой Екатерины, дает возможность восполнить некоторые пробелы. Так, слово *неволю* в приведенной выше ст. 253 было вставлено императрицей вместо слова *рабство*. Не вошедшие в окончательный текст Наказа статьи разъясняют:

«Два рода покорностей: одна существенная, другая личная, то есть крестьянство и холопство.

Существенная привязывает, так сказать, крестьян к участку земли, им данной. <...>

Личная служба или холопство... принадлежит больше лицу или особе. <...>

Какого бы рода покорство ни было, надлежит, чтобы законы гражданские... злоупотребление рабства отвратили...» (5, с. 196–197).

Последняя из приведенных цитат показывает, что в понимании Екатерины состояние и собственно крепостных крестьян, и холопов (в терминологии того времени – дворовых) является состоянием неволи, рабства. Далее в этом тексте несколько раз употреблено слово *освобождение* и *свобода* в контексте освобождения от рабства:

«Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества, и привесть их в такое состояние, чтоб они могли купить сами себе ***свободу****. <...>*

[1] Здесь и далее Наказ Екатерины II цит. по: 5, с. 115–189.

Надлежит, чтобы законы гражданские определяли точно, что рабы должны заплатить за ***освобождение****...*

Если государственная какая причина или польза частная не дозволяет в некоторых державах сделать земледельцев ***свободными****...»* (5, с. 199)[1].

Другое значение слов с морфемой *свобод*, встречающееся в Наказе, связано с физическими возможностями и разного рода обязательствами:

«Чувствование боли может возрасти до такой степени, что совсем овладев всею душою, не оставить ей больше никакой ***свободы*** *производить какое-либо ей приличное действие, кроме как в то же самое мгновение ока предпринять самый кратчайший путь, коим бы от той боли избавиться. Тогда и невинный закричит, что он виноват, лишь бы только мучить его перестали»* (ст. 194).

«Некоторые Правительства ***освобождают*** *от наказания сообщника великого преступления, донесшего на своих товарищей»* (ст. 203).

«Во многих городах в Европе оные сделаны ***свободными*** *в том, что не ограничено число; а могут вписываться в оные по произволению, и примечено, что то служило к обогащению тех городов»* (ст. 402)[2].

«Жены у германцев не могли быть без опекуна никогда. Август узаконил, женам, имевшим троих детей, быть ***свободным*** *от опеки»* (ст. 436).

«... Должно прилагать тщание о нижеследующем:

...Безопасность и твердость зданий, и правила к наблюдению, в сем случае потребные для разных художников и мастеровых, от которых твердость здания зависит, содержание мостовой, благолепие и украшение городов, ***свободный*** *проход и проезд по улицам, общий извоз, постоялые дворы и проч.»* (ст. 556.5).

В последнем случае очевидно, что речь идет не о праве на проход и проезд, а о том, чтобы на улицах строителям не мешали никакие препятствия. Однако в двух статьях Наказа интересующий нас концепт использован в несколько отличном значении. Так, в ст. 517 говорится:

«Еще бы сие великое было несчастие в Государстве, если бы не смел никто представлять своего опасения о будущем каком приключении, ни извинять своих худых успехов, от упорства счастия происшедших, ниже ***свободно*** *говорить своего мнения».*

На первый взгляд, мы имеем тут дело не с чем иным, как со свободой слова, однако очевидно, что она декларируется тут не как право, а как возможность. Несколько иначе обстоит дело со ст. 98:

[1] В этом же значении слово употреблено в ст. 456 Наказа: «Закон одного Императора Греческого наказывать велит смертию того, кто купит *освобожденного*, как будто раба, или кто такого человека станет тревожить и беспокоить».

[2] Речь здесь идет о ремесленных цехах.

«Власть судейская состоит в одном исполнении законов и то для того, чтобы сомнения не было о ***свободе*** *и безопасности граждан».*

В данном случае есть все основания считать, что слово *свобода* тут подразумевает политическую, гражданскую свободу как естественное право человека и один из важных концептов идеологии Просвещения. Но в тексте Наказа оно вступает в неравную борьбу со словом *вольность*, которое служит основным обозначением этого права:

«Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их ***вольность****...»* (ст. 13).

«И так правление, к сему концу достигающее лучше прочих и притом естественную ***вольность*** *меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми...»* (ст. 14).

«Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в Державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовати благополучию подданных, как и самая ***вольность****»* (ст. 16).

«Общественная или Государственная ***вольность*** *не в том состоит, чтоб делать все, что кому угодно»* (ст. 36).

«В Государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, ***вольность*** *не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно»* (ст. 37).

«Надобно в уме себе точно и ясно представить: что есть ***вольность****? Вольность есть право все то делати, что законы дозволяют; и, ежели бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже больше* ***вольности*** *не было; ибо и другие имели бы равным образом сию власть»* (ст. 38).

«Государственная ***вольность*** *во гражданине есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностию; и, чтобы люди имели сию* ***вольность****, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов»* (ст. 39).

«Гражданская ***вольность*** *тогда торжествует, когда законы на преступников выводят всякое наказание из особливого каждому преступлению свойства»* (ст. 67).

Перед нами – краткое изложение просветительской концепции политической свободы. Как известно, все приведенные статьи Наказа были заимствованы Екатериной у французских просветителей, прежде всего, у Монтескье. Далее в Наказе объясняется, что «проести и волокиты», которые гражданам приходится претерпевать, добиваясь в судах защиты своих прав, есть не что иное, как плата за вольность и безопасность (ст. 112); чем

больше государство заботится о защите гражданской вольности, тем сложнее судебные процедуры (ст. 115); судебное решение, вынесенное на основании показаний только одного свидетеля или «ложного какого рассуждения», есть нарушение права вольности (ст. 119, 153); доказательства вины должны быть определены общеизвестными законами, поскольку судебный приговор всегда стремится к ограничению вольности (ст. 158, 165) и более того: «*Вольность* гражданина ни от чего не претерпевает большего нападения, как от обвинений судебных и сторонних вообще; сколь же бы ей великая настояла опасность, если бы сия столь важная статья осталась темною: ибо *вольность* гражданина зависит, во-первых, от изящества законов криминальных» (ст. 467). Наказ предписывает соблюдать особую осторожность в делах о волшебстве и еретичестве, поскольку опыт показывает, что они могут быть угрозой вольности граждан как их естественному праву (ст. 497). Наконец, самые тяжкие преступления – это «беззаконные предприятия противу жизни и *вольности* гражданина» (ст. 231).

Обращает также на себя внимание ст. 379 из главы XVI «О среднем роде людей», который, согласно Наказу, «пользуясь *вольностию*, не причисляется ни ко дворянству, ни ко хлебопашцам». Формирование среднего, или третьего, сословия было одной из важнейших политических задач Екатерины, и подчеркивание его вольного статуса в данном случае вполне естественно. Однако несомненна и определенная двусмысленность: то ли это надо понимать как то, что средний род людей обладает вольностью наравне с дворянством и крестьянством, то ли так, что какой-то род людей этим свойством не обладает, что противоречит представлению о вольности как естественном праве.

Проблема вольности как естественного права человека, согласно Наказу, тесно связана с проблемой смертной казни. Как уже ясно из приведенной выше ст. 212, Екатерина прониклась идеями Ч. Беккариа о бессмысленности смертной казни, но, в отличие от итальянского правоведа, не отвергала ее вовсе, рассматривая как исключительную меру. «Смерть гражданина, – пишет она в ст. 210 Наказа, – может в одном только случае быть потребна, сиречь: когда он, лишен будучи *вольности*, имеет еще способ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не может нигде иметь места, кроме, когда народ теряет или возвращает свою *вольность*, или во время безначалия, когда самые беспорядки заступают место законов». При первом взгляде на эту статью можно подумать, что под лишением вольности имеется в виду арест, однако, скорее, вольность здесь надо понимать шире – как лишение гражданских прав. Не случайно состояние «безначалия», согласно Екатерине, означает потерю народом вольности, поскольку в таких условиях государство не может гарантировать соблюдение законов, и противопоставляется в данной статье «обыкновенному общества состоянию», при котором «не может в том быть ни-

какой нужды, чтоб отнимать жизнь у гражданина». На подобное широкое толкование вольности наводит и знакомство со ст. 212, в которой автор Наказа со свойственной эпохе Просвещения верой в человеческий разум утверждает, что никакой соблазн выгоды от преступления не может перевесить «всецелое и со жизнию кончающееся лишение *вольности*». Иначе говоря, арест еще не лишает естественной вольности – она отнимается с самой жизнью. Подтверждение подобному толкованию находим в ст. 135, которую имеет смысл сопоставить с уже цитировавшейся ст. 137.

Статья 137	Статья 135
Но всего лучше означить точно в законах важные случаи, в которых по гражданине порук принять нельзя: ибо людей, кои порук по себе сыскать не могут, законы во всех землях лишают **свободы**, покамест общая или частная безопасность того требует.	Если властям, долженствующим исполнять по законам, дозволить право задержать гражданина, могущего дать по себе поруки, то там уже нет никакой **вольности**, разве когда его отдадут под стражу для того, чтоб немедленно отвечал в доносе на него такой вины, которая по законам смертной подлежит казни. В сем случае он действительно **волен**; ибо ничему иному не подвергается, как власти закона.

Сравнение двух этих статей показывает, что арест, содержание под стражей, согласно Наказу, лишает человека *свободы*, но не *вольности* как естественного права, поскольку он остается под защитой и во власти закона.

В некотором противоречии с такой трактовкой находится ст. 236, в которой речь идет о «проторговавшихся, или выступающих с долгами из торгов». «Для каких бы причин вкинуть его в тюрьму? – вопрошает Екатерина. – Ради чего лишить его *вольности*..? Ради чего подвергнуть его наказаниям, преступнику только приличным, и убедить его, чтоб он о своей честности раскаивался? Пускай почтут, если хотят, долг его за неоплатный даже до совершенного удовлетворения заимодавцев; пускай не дадут ему *воли* удалиться куда-нибудь без согласия на то соучастников; пускай принудят его употребить труды свои и дарования к тому, чтобы прийти в состояние удовлетворить тем, кому он должен: однако ж никогда никаким твердым доводом не можно оправдать того закона, который бы лишил его своей *вольности* безо всякой пользы для заимодавцев его». В данном случае очевидно, что тюремное заключение, означающее потерю свободы, приравнивается к лишению вольности как совокупности гражданских прав, в то время как сам факт финансовых долгов не рассматривается в качестве преступления, влекущего за собой подобное наказание.

Еще одно значение, в котором слово *вольность* употреблено в Наказе, связано со свободой торговли. Как и *вольность* вообще ограничена законом, так законом же должна быть ограничена и свобода торговли. При этом отсутствие таких законов обращается своей противоположностью:

«Вольность торговли не то, когда торгующим дозволяется делать, что они захотят; сие было бы больше рабство оной» (ст. 321).

Необходимо заметить, что сравнение русского текста Наказа с французским показывает, что словоупотребление, несмотря на отмеченные неясности, безусловно, было осмысленным, поскольку русские *свобода* и *вольность* во французском тексте соответствуют слову *liberté*, и, значит, Екатерина и ее помощники не могли не задумываться о том, каким именно словом воспользоваться в определенном контексте. Совершенно не случайно поэтому, как упоминает А.М. Песков, при публикации в 1789 г. в русских газетах «Декларации прав человека и гражданина» *liberté* вновь перевели как *вольность*, тем более что соответствующий текст («Всякое общество обязано иметь главным предметом бытия своего соблюдение естественных и забвению не подлежащих прав человека. Права сии суть: Вольность, Собственность, Безопасность и Противуборство угнетению <...>. Вольность состоит в том, чтобы делать все то, что другому вреда не наносит») имел явную перекличку с Наказом (14).

С учетом колоссальных размеров письменного наследия Екатерины II изучение того, как она употребляла понятия *свобода* и *вольность* и менялся ли со временем их смысл, может стать темой серьезного самостоятельного исследования. Здесь же ограничимся еще несколькими наблюдениями. За четыре года до Французской революции на свет появилась Жалованная грамота дворянству, ст. 17 которой провозглашала: «Подтверждаем на вечныя времена в потомственные роды российскому благородному дворянству *вольность* и *свободу*» (6, с. 34). На первый взгляд, здесь императрица явно отошла от словоупотребления Наказа. Однако ключевым словом данной статьи следует считать слово *подтверждаем*. Подтверждалась норма Манифеста Петра III 1762 г. и, соответственно, Екатерина не могла не воспроизвести употребленную там формулу, ведь речь шла о действующем законодательном акте. Не случайно и следующая ст. 18 Грамоты посвящена тому же сюжету, что и приведенный выше соответствующий текст Манифеста, – праву дворян поступать на службу в союзных России странах.

Однако есть основания полагать, что именно события Французской революции, оказавшие в целом значительное влияние на переосмысление ценностей Просвещения, привели к расхождению смыслов понятий *свобода* и *вольность*, на которые указывают лингвисты. В политическом языке революции *liberté* было частью единой триады «свобода, равенство, братство». Между тем второе слово – равенство – вызывало симпатии далеко не у всех. Так, в письме к А.А. Безбородко, перефразируя слова Вольтера о том, что равенство есть «самая естественная и самая химерическая вещь», Екатерина писала, что масоны пытаются переустроить общество «под ви-

дом незбыточного и в естестве несуществующаго мнимаго равенства»[1]. Чуть позднее, имея в виду уже непосредственно события во Франции, императрица замечала, что «равенство – чудовище, которое во что бы то ни стало хочет сделаться королем» (цит. по: 3, с. 678)[2]. Тень от равенства (*egalité*), по-видимому, легла и на его соседку *liberté* в значении *вольность*. И вот уже спустя два года после смерти Екатерины в «Записке о составлении законов российских» ее бывший статс-секретарь, а теперь канцлер Российской империи А.А. Безбородко считал необходимым оговориться, что не имеет в виду «какую-либо излишнюю *вольность*, которая под сим невинным названием обращалась бы в *своеволие* и подавала повод к притязанию на какое-либо равенство всеобщее и суще химерическое»[3]. Именно с этого времени, т.е. с конца XVIII в., *вольность*, судя по всему, оказалась вне закона, а *свобода*, наоборот, обрела исключительно юридическое значение.

Список литературы

1. Аксючиц В. О русском национальном характере // Интернет-журнал Православие.ru. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/87.htm
2. Анисимов Е.В. Россия без Петра. – СПб.: Лениздат, 1994. – 496 с.
3. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1885. – Т. 1–2.
4. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. Екатерина II: Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – 952 с.
6. Законодательство Екатерины II. – М.: Юрид. лит., 2001. – Т. 2. – 984 с.
7. Законодательство Петра I. – М.: Юрид. лит., 1997. – 880 с.
8. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: От начала до Великой Победы. – М.: Алгоритм, 2004. – Т. 1. – Режим доступа: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a_content.htm
9. Лисицын А.Г. Анализ концепта свобода-воля-вольность в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 259 с. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/analiz-kontsepta-svoboda-volya-volnost-v-russkom-yazyke
10. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М: Посев, 1957. – Кн. 1. – 98 с.
11. Петр Великий: Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – 488 с.
12. Российское законодательство 10–20 вв.: В 9 т. / Под общ. ред. Чистякова О.И. – М.: Юрид. лит., 1985. – Т. 3: Акты земских соборов. – 511 с.
13. Сунь Яньвэй. Типичные черты русского национального характера и их отражение в русских пословицах и поговорках // Университетская книга. – М., 2003. – № 1. – С. 28–29.
14. Сэндоу А. [А.М. Песков]. Свобода и воля // Полит.ру. – М., 2009. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2009/01/30/svoboda/

[1] РГАДА [Российский государственный архив древних актов]. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 120. – Л. 157об.

[2] Это высказывание Екатерины перекликается с написанным много позже Г. Гегелем об эпохе якобинского террора, когда свобода личности стала новой добродетелью, заменяя мораль, нравственность и традиции (см.: 4, с. 466–467).

[3] Русский архив. – М., 1873. – Кн. 3. – С. 299.

15. Трофимов В.К. Душа русского народа: Природно-климатическая обусловленность и сущностные силы. – Екатеринбург.: Банк культурной информации, 1998. – 159 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. – Т. 1; 2. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 3; 4. – М.: Прогресс, 1987.
17. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
18. Hellie R. Slavery in Russia, (1450–1725). – Chicago: The Univ. of Chicago press, 1982. – Рус. пер.: Хелли Р. Холопство в России, 1450–1725. – М.: Академия, 1998. – 712 с.
19. Kivelson V. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom // J. of modern history. – Chicago, 2002. – N 74, Sept. – P. 465–489.
20. Kollmann N.S. By honor bound: State and society in early modern Russia. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 1999. – XIII, 269 p. – Рус. пер: Коллманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего Нового времени. – М.: Древнее хранилище, 2001. – 463 с.
21. Poe M. «A people born to slavery»: Russia in early modern European ethnography, 1476–1748. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2000. – 304 p.